Зиновьев

Ленин и Коминтерн

ЗИНОВЬЕВ

ЛЕНИН И КОМИНТЕРН

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Советы читателю

1. Для чтения следует отвести определенное время. Лучше читать ежедневно, в крайнем случае, 3—5 дней в неделю. Удобнее заниматься со свежей головой утром или после небольшого отдыха вечером. Отведенное для чтения время рекомендуется ничем другим не занимать. В помещении для занятий должен быть чистый воздух, хорошее освещение и тишина. Если дома нет этих условий, то лучше читать в клубе или библиотеке. Надо приучиться во время чтения ни о чем постороннем не думать.

2. Книги следует не читать, а **изучать.** Надо читать медленно, перечитывая по 2—3 раза отдельные места, стараясь уяснить, о чем идет речь. Если в книге имеются непонятные слова или места, то их следует записать в тетрадь, чтобы потом навести справку. При чтении следует уловить главные мысли автора, потом его второстепенные мысли, дальше — доказательства (факты), которыми автор подкрепляет свои мысли. По окончании главы главные мысли и доказательства коротенько записываются в тетрадь (такая запись называется к о н с п е к т). В ту же тетрадь полезно заносить в ы п и с к и, т.-е. списать с книги из слова в слово те места, которые пригодятся в будущем.

ПОЛИТПРОСВЕТ ЦК РЛКСМ
ПЕРВЫЙ КРУГ ЧТЕНИЯ КОМСОМОЛЬЦА

Г. ЗИНОВЬЕВ

ЛЕНИН И КОМИНТЕРН

1—100 тысяча

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МОСКВА—1925—ЛЕНИНГРАД

3-я ТИПО-ЛИТОГРАФИЯ
«ТРАНСПЕЧАТИ»
Москва, Дмитровский, 9
Главлит 41186.
Тираж 100.000 экз.

ЛЕНИН и КОМИНТЕРН [1]).

Товарищи! Я буду главным образом говорить на тему: Интернационал и тов. Ленин. Я думаю, что с этой высоты лучше всего будет осветить не только принципиальное значение Коммунистического Интернационала, но и историческую роль его предшественников.

Ленин и I Интернационал

I, II и III Интернационалы, это—три эпохи международного рабочего движения. Тов. Ленин вышел на широкую арену политической работы на рубеже между первым и вторым из этих периодов, т.-е. в момент, когда I Интернационал, созданный Марксом, уже завершил свою деятельность, а II Интернационал еще только начинал складываться.

Тов. Ленин непосредственно не участвовал, как известно, в работе I Интернационала, деятельность которого закончилась в начале 70-х годов. Но из его оценки этой деятельности, из его отношений к важнейшим страницам ее—вполне ясно, как именно он относился к этому первому периоду истории международного рабочего движения.

I Интернационал, как известно, был создан в 1864 г. Кульминационным, высшим пунктом его деятельности было восстание Парижской Коммуны, им вдохновленной, а затем об'ясненной и воспетой Карлом Марксом, творцом I Интернационала.

Владимир Ильич неустанно изучал историю Парижской Коммуны во всех ее деталях. Не было такого труда или такой книги, посвященной Парижской Коммуне, на которую тов. Ленин не набрасывался бы, как на важнейший исторический документ. Во время нашей совместной жизни в эмиграции, в тяжелые годы поражения, в годы контр-ре-

---

[1]) Доклад на торжественном заседании Исполкома Коминтерна и пленума Московского Совета, посвященном пятилетию Коминтерна, 5 марта 1924 г. Первоначально напечатан в № 54 газеты «Правда», от 6 марта 1924 г.

волюции, Владимир Ильич обыкновенно крайне неохотно выступал на собраниях перед тогдашними эмигрантскими заграничными колониями, большею частью настроенными враждебно к ленинизму. Но один день в году—день Парижской Коммуны—он никогда не пропускал без того, чтобы не выступить на том или другом собрании с докладом, посвященным этому событию и, в связи с этим,—деятельности I Интернационала. И каждый год эта речь тов. Ленина становилась все вдохновеннее и глубже. Он учил всех, кто прислушивался к его слову,—а в то время это были не миллионы, как сейчас, а лишь небольшие кружки людей,—он учил всех, кто к нему прислушивался, величайшему уважению к работе I Интернационала и, в особенности, к тому, что совершили парижские коммунары. Парижская Коммуна, как известно, потерпела поражение в результате целого ряда причин, останавливаться на которых я сейчас не буду. Одной из важнейших было то обстоятельство, что парижские рабочие составляли в то время не единую, вылитую из одного куска, партию, а целый клубок течений и групп, расходившихся между собой, иногда очень резко, в самых коренных вопросах. У них не было ни единой программы, ни единой тактики, ни, тем более, единой партии. Это и послужило одной из важнейших причин того, что это замечательное по своему энтузиазму движение было разбито и потоплено в крови.

В докладах, которые тов. Ленин посвящал ежегодно Парижской Коммуне, в сущности говоря, уже тогда намечалась программа III Интернационала, намечалось то, что мы, как его деятели, должны были позаимствовать и позаимствовали в свое время у I Интернационала, созданного Марксом.

Отношение Ленина ко II Интернационалу

В деятельности II Интернационала тов. Ленин непосредственно принимал не очень активное участие. В первые годы своей широкой политической

деятельности он относился к его работе с большим уважением. Он идеализировал роль германской социал-демократии, главной партии II Интернационала. В «Что делать» и в других работах Владимира Ильича вы найдете страницы, целиком посвященные ее великому значению. Такое отношение исторически понятно, ибо в то время германская социал-демократия была коренной партией II Интернационала и играла для него, приблизительно, такую же роль, какую наша Российская Коммунистическая Партия играет для III Интернационала. Она привлекла в свои ряды миллионы членов, сорганизовала массовые профсоюзы, создала громадную социалистическую печать, превратила рабочую массу из человеческой пыли в организованный класс, в рабочую партию. Это была сильная сторона германской социал-демократии. И в этом же заключалась сильная сторона всего II Интернационала в первую эпоху его деятельности. При всей своей страстности революционера, при всей своей непримиримости по отношению к оппортунистам, тов. Ленин и в последующие годы, уже при существовании III Интернационала, находил в себе достаточно об'ективности, чтобы подчеркивать ту большую историческую подготовительную роль, какую в свое время сыграл II Интернационал. В своих наиболее боевых статьях, направленных против II Интернационала за его грубое предательство рабочего дела, начиная с 1914 года, тов. Ленин постоянно указывал, что в течение двух десятилетий II Интернационал играл положительную роль, что он создал массовые рабочие организации, массовую рабочую партию, профсоюзы, кооперативы и просветительные общества, что он поставил на ноги социалистическую печать, просвещая рабочих и обучая их азам социализма. В течение этой эпохи рабочий класс исторически не мог сделать ничего другого, кроме того, что он действительно сделал. Совершенно ясно, что мировая история дала это время угнетенным классам для того, чтобы

они постепенно собирали свои силы, складывались в массовые организации, приобретали первый организационный и политический опыт. И в этом смысле годы эти не пропали даром: годы II Интернационала были для международного рабочего класса эпохой длительного, мирного органического развития, в течение которой только и можно было заниматься пропагандой, агитацией, организацией, сколачиванием верных отрядов рабочего класса, который на наших глазах рос и численно и политически. Вот почему в первые годы деятельности Владимира Ильича он присматривался к деятельности II Интернационала и относился к ней с нескрываемым и большим уважением. И только в ходе борьбы у него постепенно созрела мысль о том, что необходимо создать во II Интернационале левое крыло, а потом явилось и убеждение в том, что нельзя вести освободительную борьбу пролетариата, не создав III Интернационала.

Первое практическое соприкосновение большевистского крыла нашей партии, тогда еще об'единенной, с деятелями II Интернационала относится к 1903—1904 г.г., к моменту нашего первого резкого расхождения, почти раскола с меньшевиками на втором с'езде нашей партии.

В то время II Интернационал возглавляла германская социал-демократия. Говоря персонально, вождем II Интернационала был Август Бебель. Впоследствии создалось нечто вроде триумвирата, который целиком и безраздельно господствовал во II Интернационале, руководя всей его работой. Это были: Бебель, австриец Виктор Адлер, а позднее и Жорес, как представитель французской партии и, в сущности говоря, всей романской части II Интернационала.

Из этих трех лиц самым выдающимся был Бебель; его голос был решающим. Первое соприкосновение с ним т. Ленина относится к 1903—4 г.г., когда покойный Бебель сделал попытку вмешаться в наши внутрипартийные споры с целью

устроить примирение между большевиками и меньшевиками, при чем он явно был настроен в пользу последних. Павел Аксельрод, Плеханов и другие уже жили тогда за-границей, имея прочные связи со II Интернационалом, а тов. Ленин был для него человеком новым, только что показавшимся на международной арене. Вожди II Интернационала склонны были вообще прислушиваться к оппортунистическим голосам в рядах нашей партии. И когда, при переломе в 1903—1904 г., стало выясняться, что тов. Ленин в России не одинок, что большевизм растет, что, несмотря на громадный авторитет Плеханова и Аксельрода, тов. Ленин, тем не менее, об'единяет вокруг себя добрую половину партии и не сегодня-завтра об'единит доброе большинство ее, тогда II Интернационал решил притти на помощь меньшевизму. Бебель обратился с письмом к большевикам, в лице тов. Ленина, и предложил нам третейский суд. Нашему тогдашнему большевистскому центру отклонить это предложение было довольно трудно: мы были маленькой величиной, между тем как II Интернационал был тогда в зените своей славы, а Бебель пользовался безраздельной и горячей симпатией всех его сторонников. Его предложение поставило поэтому нас, и в частности тов. Ленина, в очень тяжелое положение. Тов. Ленин нес тогда главную ответственность за всю большевистскую партию, и на него направлялись тогда все удары. Тем не менее, при всем своем уважении ко II Интернационалу, к германской социал-демократии, и в частности к Бебелю, Владимир Ильич, а вслед за ним и тогдашний большевистский центр, решили вежливо, но настойчиво, твердо и категорически отклонить это посредничество.

II Интернационал не был такой организацией, какой является теперь III Интернационал: в нем совершенно не было нашей дисциплины, он не был единой международной партией, какой мы мыслим Коминтерн сейчас. Это была свободная, плохо

оформленная федерация различных партий, которая от времени до времени собиралась, выносила резолюции и выполняла их «постольку—поскольку». Мы и воспользовались этим обстоятельством и сказали, что вообще постановления II Интернационала обязательны лишь «постольку—поскольку», и что мы вмешательство Бебеля отклоняем.

Тов. Ленин пошел своей дорогой, по которой и повел нашу партию. Это был первый случай, когда тогдашние вожди международного социализма выступили почти единым фронтом против только что начинавшей складываться молодой, не окрепшей большевистской партии. Но и после этого, почти целых десять лет, и тов. Ленин, и вся большевистская партия продолжали еще относиться с большим уважением ко II Интернационалу.

Амстердамский конгресс.—Последняя победа левого крыла

В 1904 году, как известно, состоялся международный с'езд II Интернационала в Амстердаме. В то время в нашей партии был уже раскол. Меньшевики послали в Амстердам свою делегацию, а большевики—свою. Тов. Ленин участвовать в этой делегации отказался. Это об'яснялось теми настроениями, о которых я уже говорил: все вожди II Интернационала были тогда настроены против нас—большевиков.

На Амстердамском с'езде скрестили шпаги тогдашнее правое и левое крыло II Интернационала. В порядке дня стоял архибоевой вопрос о министериализме, о допустимости для социалистов, членов II Интернационала, участия в буржуазных правительствах. Амстердамский с'езд решил этот вопрос отрицательно: за участие в буржуазном правительстве, за так называемую новую тактику мильерандизма (Мильеран был социалистом) высказывался Жорес; но против него выступал Бебель, и большинство оказалось на стороне послед-

него. Оглядываясь назад, можно сказать, что, в сущности, в Амстердаме II Интернационал сделал последний взмах крыльями, в последний раз мы видели там сколько-нибудь прочную победу более или менее революционного крыла.

Начиная с 1904 года, во II Интернационале все сильнее крепнет оппортунизм, и к нашему времени он становится настолько прочным, что вопроса о мильерандизме—о допустимости участия социалистов в буржуазном правительстве—теперь уже не существует; об этом во II Интернационале нынче никто не задумывается и не спорит. Теперь каждый, с позволения сказать, вождь II Интернационала готов с величайшей радостью войти в буржуазное министерство, если только его пускают. Вы видите это на примере Макдональда и на поведении английских социал-патриотов. В Гамбурге в прошлом году было постановлено: в случае, если тот или другой вождь II Интернационала попадет на министерский пост, он должен выйти из Исполкома Интернационала, но только на время. Еще сегодня мы прочитали в газетах, что на совещании Международного Бюро II Интернационала было решено рассматривать пребывание товарища Гендерсона в министрах у английской буржуазии, как временное пребывание в отпуску. Так прямо и написано, что они смотрят на участие господ социал-демократов в буржуазных правительствах, как на какой-то отхожий промысел. Гендерсон отправился на работу к английской буржуазии; он, видите ли, находится в отпуску. А когда этот отпуск кончится (мы имеем основание думать, что это случится довольно скоро), тогда Гендерсон возвратится к своему креслу члена Исполнительного Комитета II Интернационала.

В 1904 году это дело обстояло иначе: тогда это был еще вопрос, о котором только спорили. В 1904 году в Амстердаме победило левое крыло. Говоря «левое крыло», надо, однако, оговориться, что, руководимое Бебелем, оно впоследствии оказа-

лось, в сущности говоря, наиболее близким к тому, что мы называем теперь центром. Но тогда дифференциация во II Интернационале еще не зашла так далеко, и мы имели в то время лишь две основных группировки.

Иенский партейтаг и Штуттгартский конгресс

Между Амстердамским и Штуттгартским конгрессами 1907 года лежит русская революция 1905 года, когда наша партия вышла на широкую арену, когда вожди II Интернационала убедились, что русское революционное движение имеет громадное будущее. Под влиянием 1905 года начался большой перелом в партиях II Интернационала. Произошел знаменитый Иенский партейтаг, где Роза Люксембург подняла забрало, выступив против правого крыла и отчасти против центра.

На Штуттгартском с'езде 1907 года тов. Ленин участвовал и лично. Это было после Лондонского с'езда нашей партии, когда мы, большевики, имели—правда, слабое,—но все-таки большинство в ЦК нашей партии. Мы должны были сформировать делегацию на конгресс и мы ее составили так, что во главе ее стоял тов. Ленин.

В 1907 году на Штуттгартском конгрессе начинается первое формирование той фракции, из которой вырос III Интернационал. Во главе этой фракции стояли Владимир Ильич и покойная Роза Люксембург.

Тов. Ленин в своих докладах и беседах рассказывал нам о том, как во время Штуттгартского с'езда он и Роза Люксембург сделали первую попытку собрать нелегальное (не в смысле полицейском, а по отношению к вождям II Интернационала) совещание марксистов, склонных разделять точку зрения Владимира Ильича и Розы Люксембург. Таких людей во II Интернационале оказалось немного, но, тем не менее, первая основа такой группировки была тогда заложена. В Штуттгарте

обсуждался также и колониальный вопрос; тут мы близко подошли к вопросу о войне и перед всеми честными революционерами-социалистами тогдашнего времени снова вырисовалась картина, показавшая, что не сегодня-завтра большинство II Интернационала попадет в руки открытых реформистов. Лишь ничтожным большинством голосов удалось провалить в Штуттгарте резолюцию, которая говорила, в сущности, в пользу открытой социал-предательской тактики, и вожди II Интернационала жаловались тогда, что в Штуттгарте их победили благодаря таким отсталым национальностям, как Россия и некоторые другие аграрные страны, которые имели непропорционально большое число голосов и оставили поэтому в меньшинстве основные партии II Интернационала.

В Штуттгарте стало также ясно, что германская социал-демократия становится контр-революционной. Это выяснилось впервые потому, что конгресс происходил в Германии, и на нем германские профсоюзы имели громадное представительство—в несколько сот человек, при чем все вожди германских профсоюзов выступали как открытые социал-патриоты. После Штуттгарта II Интернационал покатился в пропасть еще быстрее, и т. Ленин относился к нему уже с величайшим скептицизмом. Штуттгартский с'езд поколебал его веру в социал-демократию и во II Интернационал в целом. Он еще смотрел на него, как на могучую организацию, но видел, что в недрах его зарождается и растет правое крыло, которое в решающую минутv изменит делу международного пролетариата.

Конгресс в Копенгагене

Перенесемся на момент в Копенгаген. На Копенгагенском с'езде в 1910 г. тов. Ленин участвовал лично. Мы все там были. На этом конгрессе т. Ленин сделал новое усилие создать левое крыло; он

пытался устроить международное совещание революционных марксистов, но дело шло через-пень-колоду: собралось всего 10 человек, из которых половина боялась ходить на эти совещания. На тов. Ленина смотрели с изрядной дозой недоверия; его не знали, а против него выступали самые выдающиеся представители II Интернационала, об'единявшие российскую социал-демократию. Копенгагенская попытка создания левого крыла во II Интернационале потерпела фиаско. Конгресс занимался второстепенными вопросами, но и в них на каждом шагу намечался все более ясный оппортунистический уклон.

Базельский конгресс.—Новое поколение вождей-эпигонов

На Базельском с'езде в 1912 г. тов. Ленин не участвовал, вопреки тому, что писали в наших газетах. Тов. Ленин там не был, и нашу партию представлял тогда лишь один тов. Каменев. Время было такое, что основное ядро большевистского центра находилось в пути, стремясь быть как можно ближе к нашей границе, так как мы начали издавать тогда свои легальные органы: «Правду» и «Звезду». Базельский манифест, который был Аннибаловой клятвой II Интернационала против войны, представлял собой документ величайшей важности. Получив его, тов. Ленин положил его на самое видное место, сказав: «Нам выдали крупный вексель; посмотрим—как-то его выполнят!». Вы знаете, товарищи, что по этому векселю нам потом не заплатили. К тому времени к власти во II Интернационале подошли уже эпигоны. На смену Бебелю и В. Адлеру выходило новое поколение германских социал-демократов, появлялись Шейдеманы. В те дни Каутский, который был одно время в левом крыле II Интернационала, уже начал линять, переходя на сторону правого крыла. Руковод-

ство II Интернационалом ухудшалось катастрофически не по дням, а по часам. Если у Бебеля была суб'ективная преданность рабочему классу, если это был человек, вышедший из рабочих масс и чувствовавший их пульс, то эпигоны, появившиеся вслед за ним на сцену, были людьми совсем другого закала; то были типичные вожди из рабочей аристократии, то было поколение, призванное совершить самую черную измену по отношению к международному рабочему классу.

Ленин в Международном Бюро II Интернационала

В 1914 году снова происходит наше близкое соприкосновение с деятелями II Интернационала. Тов. Ленин состоял в то время членом его Международного Бюро. Он ездил на заседания этого Бюро в Брюссель с тяжелым чувством и приезжал оттуда почти всегда больным. В его рассказах чувствовалось, что ему приходилось там бывать свидетелем позорных сцен, свидетелем того, как крупнейшая международная организация, об'единяющая 20 миллионов рабочих, на его глазах начала гнить. Я не забуду рассказа Владимира Ильича об одном из этих заседаний, на котором произошло резкое столкновение между Розой Люксембург, с одной стороны, и Бебелем—с другой. Когда Роза Люксембург попыталась поднять среди германской социал-демократии борьбу против оппортунизма, она встретила сопротивление правого крыла и центра, во главе с Бебелем. На втором Иенском с'езде германской с.-д. партии, который состоялся в 1910—11 г., мне довелось лично присутствовать, как представителю нашего ЦК, и мы видели там картину неслыханной, позорнейшей травли покойной Розы Люксембург со стороны всего с'езда. И руководил этой травлей покойный Бебель. Когда Роза Люксембург попыталась пойти против Бебеля и не встретила отклика среди революционно-настроенных германских рабочих,—ее потащили в

Международное Бюро, на международное судилище, и там устраивали ей сцены отеческих выговоров и грозили исключением, прибегая к самым утонченным формам издевательства над нею. Тов. Ленин не мог этого стерпеть и выступил в ее защиту, но тогда и на него обрушились те же громы и молнии. Владимир Ильич попытался апеллировать к Плеханову, который тогда переживал свой ренессанс, боролся с ликвидаторами и шел рука-об-руку с нами; но когда тов. Ленин указал ему на недопустимость того, что проделывали с Розой Люксембург, тов. Плеханов ответил ему, что выше лба, мол, уши не растут, что нам надо помалкивать; что когда и у нас будут миллионы членов, как у германской социал-демократии, тогда и с нами будут считаться, а пока что—мы только «бедные родственники». Выслушав его, Владимир Ильич хлопнул дверью и ушел с этого заседания.

После этого тов. Ленин начинает все больше сближаться с теми элементами, которые группировались вокруг Розы Люксембург. А Международное Социалистическое Бюро, где руководящую роль играли такие господа, как Гюисманс, падало все ниже и ниже. Либеральный адвокат Гюисманс развязно похлопывал Владимира Ильича по плечу и, смотря на него сверху вниз, был готов поучать его тому, как надо организовывать рабочую партию и вести за собой рабочий класс. Владимир Ильич ездил на собрания этих адвокатов и будущих социалистических министров без всякого удовольствия, смотря на эти поездки, как на тяжелую повинность, которую необходимо отбывать.

Вожди II Интернационала защищают меньшевиков

В 1913—14 г.г. II Интернационал снова был вынужден заинтересоваться большевиками и притти на помощь меньшевикам, ибо звезда большевизма начала опять восходить в России; к тому време-

ли мы начали превращаться в силу, и Аксельрод с компанией поспешили за поддержкой к этим господам. В Иене, я помню, нынешний президент германской республики, Фриц Эберт, бывший тогда председателем партии, с неслыханной надменностью говорил о группах и кучках людей в России, которые мешают ему, Эберту, заниматься государственной работой; говорил о том, что там появился какой-то Ленин, с которым надо возиться и т. д. Они отпускали нам (преимущественно меньшевикам), как бедным родственникам, кое-какие средства и думали поэтому, что мы обязаны с ними считаться. Тов. Клара Цеткин рассказывала, что когда ей приходилось с нами встречаться, ее предостерегали заранее: смотрите, это—агенты Ленина, берегитесь их, знаться с ними опасно. В то время всякому, кто захотел бы подать большевику не два пальца, а всю руку, необходимо было иметь большое гражданское мужество.

В 1913 году или, если я не ошибаюсь, в начале 1914 года, Вандервельде появился в Петрограде. Он имел тогда две миссии: во-первых, подготовлял, по поручению бельгийского и французского правительств, вместе с царскими министрами войну, а во-вторых, мимоходом пытался помочь меньшевикам против большевиков. Он бывал в редакциях «Луча» и нашей «Правды» и собирал материалы, намереваясь, от имени II Интернационала, приказать нам закрыть «Правду» и слиться с меньшевиками. Вернувшись в Бельгию, Вандервельде обратился ко всем группам и фракциям тогдашней нашей партии, вызывая всех в Брюссель. Вандервельде и Гюисманс решили всех нас помирить. Всех групп было вызвано четырнадцать, при чем из них только одна была большевистская. Таким образом, мы представляли собою только четырнадцатую часть и, конечно, по мнению этих людей, должны были подчиниться всем остальным. Тов. Ленин отклонил честь лично явиться в этот трибунал. Жребий пал на покойную Инессу Арманд, которая и

поехала представлять нашу партию перед этими господами. Это было почти перед самой войной. II Интернационал готовил против большевиков громовый манифест, который должен был заставить нас подчиниться ликвидаторам; но как раз в этот момент грянула империалистическая война, и кризис II Интернационала разразился со всей силой.

К тому времени мы были, в сущности говоря, уже инородным телом во II Интернационале. Еще в Копенгагене мы чувствовали себя отдельной группой и только выжидали момента, когда придет и наше время, и когда мы что-нибудь сделаем в международном масштабе. Владимир Ильич, благожелательное сначала отношение которого ко II Интернационалу сменилось выжидательным, а потом скептическим, Владимир Ильич в четвертой фазе своих отношений—к решительной борьбе со II Интернационалом—становится одним из организаторов будущего III Интернационала.

Циммервальд и Кинталь

В 1914 г. кончается эпоха II Интернационала и открывается новая эпоха. Что это за эпоха? Ныне мы уже видим,—и через 5—10 лет всякому будет видно,—что это есть эпоха Коммунистического Интернационала.

Этому нисколько не противоречит тот факт, что рядом с нами до сих пор живет, прозябает и имеет иногда частичные успехи II Интернационал. Временное совместное существование двух организаций свидетельствует лишь о том, что общественная жизнь и общественная борьба весьма сложны. Нельзя одну эпоху отрезать от другой ножом. В общественной жизни новая эпоха обыкновенно начинается тогда, когда живы еще остатки прежней, которые клином врезываются в живое тело нарождающейся новой организации. Сейчас именно мы наблюдаем такое положение в международной борьбе рабочего класса.

Переходом к новой эпохе служат первые три года войны, от ее возникновения до Октябрьской революции в России.

В этот период тов. Ленин ведет борьбу против империалистической войны под лозунгом ее превращения в войну гражданскую и вместе с тем ведет уже решительную агитацию за создание III Интернационала. С этой целью им предпринимаются подготовительные организационные мероприятия в интернациональном масштабе. Начало этому было положено им на конференциях в Циммервальде и в Кинтале в 1915 и 1916 г.г.

На конференциях в Циммервальде и Кинтале тов. Ленин был лично. Обе эти конференции были еще II Интернационалом: там были, в сущности говоря, те же группировки, которые были и во II Интернационале, только в несколько другой пропорции. Там было правое крыло, левое и центр. Правое крыло II Интернационала было исполнено шовинизма, оно и слышать не хотело о международных с'ездах, и поэтому количественно оно было представлено слабо, что создавало некоторый оптический обман. Казалось, что правое крыло—самое слабое, что центр силен, и что левое крыло является восходящим меньшинством; однако, в действительности, это было не так. Вот почему мы и в Циммервальде, и в Кинтале чувствовали себя отдельной группой и видели свою задачу в использовании этого временного об'единения для того, чтобы заложить основы будущего III Интернационала. В Циммервальде присутствовали нынешние итальянские социал-фашисты, все эти господа Модильяни и компания, которые служат теперь оруженосцами у Муссолини. Значительная часть товарищей, находящихся теперь в наших рядах, были в тот момент нашими яростными врагами, готовыми с пеною у рта обрушиться на всякого, кто выступал за создание III Интернационала. Не только во II Интернационале, но и в Циммервальде, и Кинтале—никто почти и слышать не хотел о III Интер-

национале. Ничего, кроме растерянных, скептических или недоуменных улыбок, мы не встречали ни от кого. Когда тов. Ленин заявлял о необходимости создания III Интернационала, когда он говорил, что II Интернационал обанкротился,—ему отвечали насмешками не только представители правого крыла и центра, но даже те товарищи, которые теперь находятся в наших рядах как в РКП, так и в других секциях Коминтерна. В Циммервальде и Кинтале тов. Ленина изображали букой, им пугали маленьких детей: вот Ленин, который предлагает III Интернационал, когда всем известно, что пройдет война, и II Интернационал возродится, и т. п. Дальше лозунга борьбы за мир никто не шел. Борьба велась не столько направо, сколько против ленинизма, против личности Ленина: на него ополчились Ледебур и все итальянские социалисты, против него выступили французы, и только одиночки из рядов польской, латышской и шведской социал-демократии поддерживали Владимира Ильича в деле подготовки III Интернационала. Более того, уже после Февральской революции, когда наша партия впервые собралась открыто после приезда Владимира Ильича из-за границы, на апрельской конференции 1917 года, в рядах нашей партии были значительные споры относительно того, можно ли создавать III Интернационал или надо остаться в рамках Циммервальда... Тов. Ленин требовал полного разрыва с Циммервальдом. Мы были за то, чтобы подождать. Апрельская конференция приняла компромиссное предложение: остаться в Циммервальде с целью информации.

Создание III Коммунистического Интернационала

Когда, в 1917 году, грянула Октябрьская революция, а германские спартаковцы переименовали свои союзы в Коммунистическую Партию, было, наконец, решено создать III Интернационал. Однако, даже на первом его с’езде представители спар-

таковцев возражали против образования III Интернационала. Вопрос был решен против голосов будущих германских коммунистов, которые считали образование нового III Интернационала преждевременным.

Итак, товарищи, вы видите, что III Интернационал имеет длинную пред-историю, которая, если хотите, началась еще с блестящих докладов Владимира Ильича о Парижской Коммуне. Эти доклады, к сожалению, сохранились лишь в отдельных отрывках и статьях в памяти тогдашней его аудитории: стенограмм этих докладов тогда не вели. В этих докладах тов. Ленина можно видеть черновую платформу III Интернационала, а началом подготовительной работы по созданию его можно считать 1907 год, когда тов. Ленин и Р. Люксембург сделали первую попытку образования левого крыла II Интернационала.

Если же считать строго формально, то III Интернационал насчитывает только пять лет.

Пять лет Коминтерна и исторический масштаб

Товарищи! Я знаю, что наиболее горячие головы нашей партии, составляющие в ней отнюдь не меньшинство, как это и полагается в революционную эпоху, считают, что пять лет—это громадный срок, и что Коминтерн слишком мало сделал за это время: в конце концов, у нас была лишь Советская власть в двух аграрных странах—Венгрии и Баварии,—нас там разбили, и к пятой годовщине мы имеем Советскую власть только в Союзе Советских Республик, обнимающем, правда, шестую часть мира. Не ясно ли отсюда, что Коммунистический Интернационал шагает слишком тихо, что слишком медленно развивается коммунистическое движение во всем мире? С точки зрения революционного нетерпения и суб'ективного настроения революционного поколения, это верно и понятно. Но

тут, мне кажется, не грех прикинуть и масштаб исторический, вспомнив о том, что Коммунистический Манифест появился в 1847 году, а образование I Интернационала состоялось лишь в 1864 г., т.-е. целых семнадцать лет такие люди, как Маркс и Энгельс, работали над тем, чтобы подготовить создание первого Международного Товарищества Рабочих, семнадцать лет ушло на подготовку I Интернационала, который, между тем, не просуществовал и десяти лет. Но это—времена очень далекие. Возьмем Владимира Ильича, основателя, вдохновителя и творца III Интернационала. Он выходит на широкую арену политической борьбы в начале 90-х годов; он десять лет присматривается ко II Интернационалу, воздавая ему дань уважения, и только в 1914 году, когда грянула империалистическая война и когда тов. Ленин заявил, что II Интернационал погиб, только тогда он начал работать над созданием III Интернационала. Двадцать лет—с 1894 до 1914 года—можно рассматривать, как подготовительный период, в течение которого в рамках II Интернационала созревали условия для создания III Интернационала. Маркс работал семнадцать лет над подготовкой I Интернационала, а Владимир Ильич два десятилетия посвятил накоплению сил и формированию первых отрядов для создания настоящего пролетарского Интернационала. Вот два масштаба, которые здесь вполне уместны. Если принять их во внимание и вспомнить, сколько лет прошло между I и II Интернационалами, а затем между II и III, то нельзя не признать, что пять лет, прошедших с 1917 года по 1924, это—совсем уже не такой длинный срок. По отношению же к задачам международным, этот срок даже сравнительно короткий, потому что мировой пролетариат не однороден, даже в рамках одной и той же страны, и в этом—несчастье рабочего класса. В нем есть арьергарды, т.-е. отсталые слои, есть рабочие-середняки, и есть авангард, который, в свою очередь, тоже распадается на разные слои и подслои. В ра-

бочем классе каждой страны существует целый ряд предрассудков—национальных, профессиональных и религиозных,—там еще есть темнота и невежество; там существует также вспоенная и вскормленная международной буржуазией рабочая аристократия, которая видит свое историческое назначение в том, чтобы затягивать процесс революции. Все это, повторяю, можно видеть в рамках каждой большой страны, а тем более—в широких пределах международного рабочего класса.

Вот почему для создания международной организации с ясной программой и тактикой требуется, даже в наше бурное время, больше пяти лет, и если вы подойдете к Коминтерну с таким историческим масштабом, то должны будете признать, что за эти пять лет нами сделаны громадные успехи.

Основной итог пятилетней работы

Товарищи! Многие из нас читали и перечитывали речь Владимира Ильича, произнесенную им в первую годовщину Коминтерна. Мы были тогда слабее и в рамках Советской республики, и в рамках международных. Мы имели тогда лишь первые, наспех сколоченные группы, и, тем не менее, насколько был уверен в победе Владимир Ильич! Он не был одним из тех ораторов, которые любят преувеличивать и брать мажорные тона. Но его тогдашнюю речь нельзя назвать иначе, как гимном победы, проникнутым глубокою в нее верою. Владимир Ильич считал, что Коммунистический Интернационал одержал огромную победу уже одним тем, что он существует, что он сформировался как международная организация, что он имеет за собой целые партии в длинном ряде стран.

Сегодня вышла в свет книжка тов. Тивеля: «Пять лет Коминтерна в решениях и цифрах». Я рекомендую вам заглянуть в этот превосходный труд, который рассказывает языком цифр о том, как

Коммунистический Интернационал из небольшой международной организации пропагандистов, из небольшого коммунистического общества, превратился в течение пяти лет, под влиянияем тов. Ленина, в могучую, широко разветвленную пролетарскую организацию. Конечно, сегодня еще нельзя сказать, что мы имеем законченную и единую международную коммунистическую партию. Это было бы самохвальством, но без всякого хвастовства мы можем заявить, что находимся на пути к этому. Когда Владимир Ильич праздновал в Москве свой пятидесятилетний юбилей, он произнес коротенькую речь, в которой сказал: «Товарищи! Мы с вами находимся в зените, мы сделали необычайные успехи, мы одержали великие победы; но я предостерегаю вас—не превращаться в зазнавшуюся партию. Нет зрелища более позорного и постыдного, чем зазнавшийся человек, и нет зрелища более постыдного, чем партия, которая зазналась». Коминтерн поставил себе задачей—стать единой международной коммунистической партией. Мы еще не сделали этого. Есть страны, в которых мы твердо опираемся на рабочие классы и близки к тому, чтобы иметь там большинство; в других странах мы имеем партии, которые являются пока лишь чисто пропагандистскими; есть, наконец, партии, которые сбиваются на идеи центризма, где мы переживаем целый ряд кризисов и рецидивов. В ряде стран мы имеем партии, закаленные в боях. А на Востоке мы имеем начало могучего освободительного движения.

Наша эпоха—эпоха III Интернационала

Перед нами открывается новая эпоха—эпоха III Интернационала; но рядом с последним живет и действует—правда, умирающий—II Интернационал. Люди, которые плохо разбираются в международном рабочем движении, вправе задать нам вопрос: в какую же эпоху мы живем—в эпоху II

или III Интернационала? В эпоху социал-демократического Интернационала или коммунистического? Мне кажется, что на этот раз, без опасности зазнаться и преувеличить, мы имеем полное право сказать, что мы живем в эпоху III Интернационала. Этому нисколько не противоречит тот факт, что рядом с нами живет, прозябает и одерживает иногда частичные успехи II Интернационал. Временное существование двух организаций свидетельствует лишь о том, что в общественной жизни и общественной борьбе дело обстоит не так просто. Нельзя одну эпоху отрезать ножом от другой. В общественной жизни новая эпоха начинается обыкновенно тогда, когда живы еще остатки прежней, которая клином врезывается в живое тело нарождающейся новой организации; и именно такое положение мы наблюдаем сейчас в международной борьбе рабочего класса.

Если мы возьмем период, обнимающий последние шестьдесят лет (с I Интернационала), то перед нами ясно обрисуются три эпохи. Первая—подготовительная, когда рабочий класс начал только сознавать себя силой; затем—Парижская Коммуна—высший пункт этой эпохи; потом ее разгром, начало II Интернационала в 80-х годах, четверть века его существования и постепенное созревание III Интернационала. Сейчас начинается третья эпоха—эпоха Коминтерна. Лет через пять—десять всякому будет видно, что эпоха III Интернационала началась с 1914 года, и что в то же время кончилась эпоха II Интернационала. В настоящий же момент многим кажется, что у нас одни поражения, а у противной стороны—только успехи.

Наши поражения

Люди, стоящие на нехитрой точке зрения (к ним принадлежат социал-демократы и центристы, а также некоторые неподготовленные коммунисты), рассуждают так: на выборах в Англии член

парламента, коммунист Ньюбольд, оказался неизбранным, хотя и получил на этот раз больше голосов; в Польше была попытка восстания, но не удалась; в Болгарии восстание подавлено и движение загнано внутрь; германская Коммунистическая Партия подходила близко к восстанию, но потерпела поражение,—словом, у Коминтерна сплошь поражения. С другой стороны, у II Интернационала в такой великой стране, как Англия, рабочий класс пришел к власти мирным путем, без гражданской войны, без кровопролития,—там произошла бескровная революция. Не ясно ли, говорят далее эти господа, что II Интернационал идет вверх, а III Интернационал терпит одно поражение за другим.

Эти господа не понимают, что именно потому Коминтерн и начал новую эпоху, что он прокладывает новую стезю. Он идет против целого стана врагов, он неизбежно получает раны. Он встретит на своем пути миллионы препятствий. Эти кажущиеся поражения в Германии, в Польше и в других странах подготовляют, на самом деле, победу. Это—кризисы, неизбежные при создании настоящей коммунистической партии. Возьмите историю нашей собственной партии: сколько пережила она кризисов. За двадцать пять лет в ней были расколы, почкования, группировки, перегруппировки, яростная борьба и переход от обороны к наступлению. Сколько поражений потерпели мы раньше, чем увидели первую победу 17 октября! Только так и может создаваться коммунистическая партия. Она создается не в безвоздушном пространстве, а в рамках буржуазного строя, когда буржуазия подкарауливает каждый ее шаг, когда социал-демократия подсказывает буржуазии, как надо бороться с коммунистами. Коммунистические островки в буржуазном море могут подвергаться приливам и отливам, известным катастрофам и кризисам; все эти кризисы и поражения свидетельствуют, на первый взгляд, о том, что Коминтерн не может решить свою историческую задачу, но всякий, кто

умеет приложить ухо к земле и слушать, кто умеет читать в книге истории нашей собственной Российской Коммунистической Партии, кто знает, с какой болью, кровью и мучениями рождалась первая коммунистическая партия, с какими трудностями она побеждала,—тот поймет неизбежность этих камней преткновения на пути Коминтерна, отдельные секции которого, сраженные врагами, часто падают для того, чтобы снова подняться на колени, а затем и встать во весь рост. Все эти кризисы, поражения и полупоражения, это—элементы подготовляющихся побед.

Лондон и Москва

Нам иногда указывают на число членов в партиях, входящих во II Интернационал, забывая, что дело не в цифрах, а в том, что наш Коминтерн идет вверх, между тем как II Интернационал склоняется к закату.

Есть и такие мудрецы, вроде Масарика, которые по поводу образования министерства Макдональда заявляют, что его метод мирной революции одержал верх над методом кровавой революции Ленина. Люди, говорящие это, забывают об одной мелочи: о том, что Макдональд лишь формально находится у власти. На деле, власть в Англии принадлежит английской буржуазии, а Макдональд служит у нее в министрах до тех пор, пока ей это будет угодно.

Говорят, что ныне Москва и Лондон, это—два полюса: Лондон—II Интернационал, а Москва—III Интернационал. И это верно. В Москве—рабочее правительство, но не сусальное, не картонное, а настоящее рабочее правительство, ведущее за собой крестьян, седьмой год стоящее у власти, перебившее спинной хребет не одной дюжине своих врагов, правительство, которое поднимается и, рано или поздно, победит всех своих врагов. А в Лондоне,—характерное для II Интернационала правительство

милостию буржуазии, не имеющее реальной власти.

Правда, и рабочее правительство в Англии сыграет, может-быть, некоторую революционизирующую роль: может-быть, само того не желая, оно расшатает там государственный аппарат. Приход к власти Макдональда косвенно свидетельствует о силе и росте английского рабочего класса. Но когда у нас к власти пришел Керенский, это тоже свидетельствовало об усилении рабочего класса.

Я помню беседу с одним из тогдашних оборонцев, с Н. Д. Соколовым, который подвез в своем автомобиле Владимира Ильича и меня. (У нас тогда не было, конечно, никаких автомобилей). В тот самый день, когда Керенский был назначен военным министром, Н. Д. Соколов сказал нам: «Ну, чего нам еще нужно, раз у нас военный министр—социалист». А Владимир Ильич, посмеиваясь в бороду и не отвечая на эти слова, только попросил его: «Скажите, чтобы шоффер вез поскорее,—нам некогда».

Тот факт, что Керенский оказался у власти, означал, что буржуазия не могла править открыто, без известного задабривания рабочих и крестьян. То же самое мы видим теперь и в Англии: ее мощная и богатая буржуазия не может править без известного задабривания рабочего класса, без игры «под рабочего», и потому она берет в министры Макдональда. Это—весьма показательный симптом буржуазного перерождения II Интернационала. Об'ективно, правительство Макдональда может помочь (и, наверное, поможет) Коминтерну. Мы уже и сейчас видим, как индусы переводят на свой собственный язык рабочее правительство Макдональда, требуя себе автономии.

Бывший премьер-министр Болдуин, произнося недавно речь в парламенте, снизошел до того, что полемизировал с таким отпетым человеком, как я, многогрешный. Он говорил, что если на Востоке будет осуществляться программа Коминтерна, то

человечество придет в ужас от тех потоков крови, которые будут пролиты. Мы спрашиваем лорда Болдуина, кто прольет эту кровь. Ведь, индусские крестьяне, пастухи и рабочие хотят спокойно трудиться на своей собственной земле, отнюдь не думая о кровопролитиях; значит, слова Болдуина могут означать только угрозу по их адресу.

Тов. Ленин учил всех нас тому, чтобы мы, следя за Западом, не забывали о Востоке, а иногда он даже говорил нам, что о Востоке нужно больше помнить, чем о Западе: здесь взаимоотношения вполне четки, а там они не так ясны и более революционны. И Коммунистический Интернационал будет свято следовать этому завету.

У Коминтерна есть одно обязательство, о котором уместно вспомнить сегодня, когда мы празднуем его пятую годовщину. Это обязательство, включенное при ближайшем участии Владимира Ильича в его устав и программу, состоит в том, что мы ставим себе задачей освобождение не только западно-европейского и американского пролетариата, но также и всех трудящихся всего мира, независимо от цвета кожи,—будь она белой, желтой или черной. И эту задачу, товарищи, мы постараемся выполнить во что бы то ни стало.

Крестьянский Интернационал

Мы восприняли от Марксова Интернационала все, что у него было великого и здорового. Ленинский Интернационал—прямой наследник I Интернационала. Но мы превзошли I Интернационал в двух коренных вопросах: аграрном, или крестьянском, и национальном.

В крестьянском вопросе мы превзошли I Интернационал вот в каком смысле: Маркс говорил, что надо соединить крестьянскую войну с борьбой рабочего класса, но он сказал это лишь мимоходом, не развив этого положения в целую программу. А в

программе Ленинского Интернационала вопрос о союзе рабочего класса и крестьянства стал краеугольным камнем.

Мы живем в новую эпоху: после мировой империалистической войны. Крестьянин стал не тем, чем он был во времена Маркса и в период расцвета II Интернационала. Возьмите французского крестьянина (я намеренно беру страну победившую): разве он тот же, что был до войны 1914 года. Во Франции есть богатый слой крестьян, который накопил немало бумажных денег, но деньги эти теперь падают, и слой этот разоряется. Вместе с тем, ненависть к войне жива в каждом французском крестьянине. То же мы видим и во всей центральной Европе и еще больше на Востоке и Юго-Востоке. Вот почему теперь возможна другая тактика по отношению к крестьянству, чем раньше, когда крестьянство было тупой и отсталой массой.

Империалистическая война была страшным бедствием для всего человечества, но она имела ту хорошую сторону, что встряхнула деревню, вытащила за околицу миллионы крестьян, подняла их и взрыхлила почву, создав основу для новой ленинской тактики в крестьянском вопросе.

Вот почему создание Крестьянского Интернационала в Москве надо признать величайшим историческим событием. Владимир Ильич, тогда уже больной, следил с неослабным вниманием за международной крестьянской конференцией, он требовал фактических о ней материалов и знакомился со всеми ее деталями. В нашем Центральном Комитете были некоторые товарищи, не понимавшие великого значения Крестьянского Интернационала. Первые шаги новой организации уже показали, что эти товарищи ошибались. Пройдет еще двалри года, и все увидят, что эта организация—могучий таран. Коминтерн создал и другие крупные вспомогательные организации, как, например, Профинтерн, Интернационал молодежи, имеющий

великое будущее, международную организацию кооперативов, Спортивный Интернационал. В Париже и в Чехо-Словакии сейчас идет бешеный бой за Спортивный Интернационал Коминтерна или II Интернационала. На первый взгляд может показаться, что этот бой не имеет серьезного значения, но, по существу, тот факт, что молодежь, играючи, борется по этой линии,—чрезвычайно важен.

Коминтерн и национальный вопрос

Второе наше завоевание, обогатившее нас по сравнению с I Интернационалом,—это национальный вопрос. Создание Союза Социалистических Республик показало, что у нас национальный вопрос разрешен. Маркс учил английских рабочих, что не может быть свободен тот народ, который угнетает другие народы, и что, поэтому, английский рабочий должен помогать ирландскому рабочему и мужику в их освободительной борьбе. Но Маркс, в условиях тогдашней исторической действительности, не мог создать ту законченную теорию национального вопроса, которую создал Владимир Ильич. Мы живем в эпоху империализма, который представляет собою последнюю стадию загнивающего капитализма: капитализм загнивает, его звезда на закате, и поэтому он вынужден итти от одной военной авантюры к другой. Вот почему вопрос о колониях и полуколониях встал теперь совсем по-другому: капиталистические державы грабят и делят между собою сотни миллионов населения колоний. Благодаря этому, в колониях просыпается мятежный дух. И вот то, что у Маркса было гениальным штрихом, то у Владимира Ильича претворилось в жизнь. Ведь такие с'езды, как Бакинский с'езд народов Востока, или как Московский с'езд народов Дальнего Востока, имеют великое принципиальное значение. И события последних дней показывают, что на Востоке вспы-

хивают революционные зарницы. В Египте рабочие захватывают отдельные фабрики, в Индии наблюдается под'ем движения, в Китае смерть тов. Ленина вызывает грандиозный отклик. На наших глазах растет великое пролетарское движение в Японии, которое станет крупным фактором в ближайшие годы. Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что одной из наиболее вероятных возможностей является вспышка могучего революционного движения на Востоке.

Вы видите, что история развивается парадоксально. Власть в свои руки захватил впервые пролетариат не промышленной, а такой аграрной страны, как наша. Затем вы видели две коммунистические республики в Венгрии и в Баварии, т.-е. опять-таки в аграрных странах. Не случайно, конечно, было то, что их победили; но также не случайно и то, что от нас пошел костер.

Теперь нам надо готовиться к двум возможностям. Одна заключается в том, что революция пойдет вглубь Европы, через Германию. Другая возможность состоит в том, что загорится Восток, страны колониальные и полуколониальные, откуда движение перекинется в буржуазные страны Европы.

Наш путь ведет через подполье

Сравнивая эти перспективы будущего с положением дел в настоящий момент, мы не можем не признать, что достигнутые нами за пять лет успехи слишком недостаточны. На Западе царит белый террор, фашизм. Можно даже установить такой закон: чем сильнее становится какая-нибудь коммунистическая партия, тем ближе она к тому, чтобы перейти в подполье. Когда она становится сильной, буржуазия непременно загоняет ее в подполье. Мы знаем, однако, по опыту, что в подполье выковываются настоящие коммунистические партии. Лишь буржуазные слепцы не понимают этого.

Они не знают, что наша могучая РКП складывалась и закалялась именно в тюрьмах и ссылках. И те рабочие, которых буржуазные палачи терзают теперь в Болгарии и Румынии, в фашистских тюрьмах Италии,—выйдут оттуда закаленными революционерами со стальной волей и с пламенной ненавистью пролетарского класса к буржуазии и к позолоченной социал-демократии. Именно эти рабочие дадут нам лучших строителей Коминтерна.

Ленин—вождь Коминтерна

За эти пять лет Коминтерном руководит наша Российская Коммунистическая Партия, и, без ложной скромности, мы можем сказать, что наша партия имеет право гордиться выполненной ею работой. Тов. Ленин говорил: настанет время, когда мы будем одной из отсталых стран в гегемонии, когда руководство перейдет к более развитому промышленному пролетариату; в Москве мы находимся лишь временно. Пожелаем, чтобы это время было как можно более коротким, и чтобы мы перенесли наш генеральный штаб мирового пролетариата, наш Исполнительный Комитет Коминтерна, в одну из тех стран, где в настоящее время развевается черно-желтый флаг; пожелаем, чтобы следующие 5 лет прошли быстрее, чем первые.

Владимир Ильич провел нашу страну через самые трудные места, он руководил ею в самое тяжелое время. То же и в Коминтерне. Перед нами еще встанет целый ряд сложных вопросов, но все самое основное Владимир Ильич нам показал. Могучим прожектором он осветил нам дальнейший путь.

В тяжкие дни, когда Деникин был под Орлом, Владимир Ильич находил время для того, чтобы целые часы посвящать беседам с рабочими, приехавшими из самых отдаленных стран. На IV Конгрессе Коминтерна Владимир Ильич, больной, несмотря на уговоры ближайших друзей, выступил

с докладом. Неудивительно, поэтому, что дух Ленина воплощается в Коминтерн. Весь Коммунистический Интернационал с гордостью считает его своим вождем, и я уверен, что каждая из секций Коминтерна и каждый его член будут, не отступая, итти по пути, освещенному тов. Лениным; я уверен, что они выполнят все, что от них потребуется, что они с готовностью отдадут свою жизнь за Коммунистический Интернационал, за борьбу в том духе, как нас учил Владимир Ильич.

---

3. Надо проверять автора, верны ли его мысли и доказательства. При чтении все время надо держать в голове вопрос: а так ли это на самом деле, в жизни; нет ли у тебя самого или в ранее читанных тобой книгах других мыслей, других фактов, о которых автор умалчивает.

Свои мысли по поводу прочитанного следует записать в ту же тетрадь, где записаны непонятные места и конспект.

4. Лучше всего читать в одиночку, а потом (примерно, раз в неделю) собираться в небольшом кружке из 3 — 10 человек, читающих ту же книгу. В кружке, совместно с товарищами, можно повторять прочитанное за неделю, уяснять непонятные слова и места и обсудить те вопросы, которые возникли во время чтения. Если и после собрания в кружке останутся неясные вопросы, то в этом случае следует обратиться за разъяснением к более знающему товарищу.

5. Малоподготовленным товарищам, которым трудно работать над книгой в одиночку, можно рекомендовать **кружковое чтение вслух.** Но это не дает прочных результатов, поэтому следует повторять прочитанное дома.

Правила совместного чтения те же, что и в одиночку.

ПОЛИТПРОСВЕТ
ЦК РЛКСМ

Цена 5 коп.

